

ВЫХОДИТЪ

два раза въ недѣлю: по Средамъ и Субботамъ. Подписка принимается: Въ Тифлисѣ: въ редакціи газеты и въ Губернской Почтовой Конторѣ. Въ С. Петербургѣ: въ Газетной Экспедиціи С. Петер. Почтамта и, у книгопродавцевъ: Крашенинникова и Юнгмейстера. Въ Москвѣ: въ Газетной Экспедиціи Московскаго Почтамта и въ книжн. магазинѣ Готье.

КАВКАЗЪ.

ГАЗЕТА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовое изданіе съ пересылкою . . . 8 р. с.
Полугодовое . . . 5 » »
Для Тифлискихъ жителей, на три мѣсяца . . . 3 » »

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Газета печатается съ платою за каждую букву по $\frac{1}{4}$ копейки серебромъ со всехъ объявленій, безъ всякаго исключенія.

СОДЕРЖАНІЕ: Высочайшія Приказы и Указы — Ученые извѣстія. — Амавиръ. — Изъ моихъ воспоминаній о Кавказѣ. — Такса на сѣстные припасы. — Объявленія. — Прѣбывшіе и Выѣхавшіе. — Метеорологическія наблюденія.

КАЛЕНДАРЬ: 10-го Юня: С. М. Тимофеев, М-цы Антопныи. — 11-го, С. Ап. Варооломея и Варнавы. — 12-го, П. Онуфрія Вел., П. Петра Авонскаго. — 13-го, М-ць Акулины и Антопныи, П. Анны.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Высочайшимъ Приказомъ по Военному вѣдомству. Мая 14-го дня. Переводится. По Пѣхотѣ. Тифлискаго Егерскаго Полка Подпоручикъ Черный въ Черноморскій Ливійный Баталіонъ № 4-го. — Увольняются: *въ отпускъ*. По Пѣхотѣ. Дагестаоскаго Пѣхотнаго Полка Прапорщикъ Баженовъ, для излеченія болѣзни, въ Воронежскую губернію, на одинъ годъ. *Отъ службы*. По Пѣхотѣ. Егерскаго Генераль-Адъютанта Князя Чернышева Полка Капитанъ Дохтуровъ, за болѣзнію, Маіоромъ. — Умершій исключается изъ списковъ. Черноморскаго Ливійнаго Баталіона № 11-го, Штабсъ Капитанъ Гаминъ.

— Юня 15-го дня. Переименовывается По Кавалеріи. Состоящій по Кавалеріи и въ Грузинской дружинѣ Маіоръ Князь Джандіеровъ въ Военные Старшины. — Зачисляется. По Артиллеріи. 20-й Артиллерійской Бригады Капитанъ Хилковскій — по Полевой Пѣшей Артиллеріи. — Увольняются: *отъ службы*. По Пѣхотѣ. Самурскаго Пѣхотнаго Полка Прапорщикъ Яковскій, за раню Подпоручикомъ. За болѣзнію. Штабсъ Капитанъ Ильинъ, — оба съ мундиромъ и съ пенсіонами: первый полнаго, а

послѣдній одной трети жалованья. Егерскихъ Полковъ: Тифлискаго: Подполковникъ Воронченко, Поручикъ Любимовъ, Штабсъ Капитаномъ. оба съ мундиромъ и съ пенсіонами: первый полнаго, а послѣдній одной трети жалованья, и Подпоручикъ Бокевичъ Щуковский Поручикомъ. Мингрельскаго, Маіоръ Меликъ Бегларовъ, Подполковникомъ. По Ливійнымъ Баталіонамъ Ливійныхъ Баталіоновъ: Черноморскаго № 13-го, Подпоручикъ Ивановъ, Поручикомъ. Кавказскаго, № 12-го, Маіоръ Ноздрѣевъ, Подполковникомъ, — послѣдніе трое съ мундиромъ и съ пенсіонами: первые двое двухъ третей, а послѣдній полнаго жалованья. По Пѣхотѣ. Мингрельскаго Егерскаго Полка Прапорщикъ Веберъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, Подпоручикомъ.

— Юня 16-го дня. Переводится. По Кавалеріи. Драгунскаго Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго Полка Поручикъ Зубаловъ, въ Эриванскій Карабинерный Полкъ. По Пѣхотѣ. Тифлискаго Егерскаго Полка прапорщики: Князь Эрнстовъ, въ Грузинскій Ливійный Баталіонъ № 7-го, и Гассанъ Капуръ Пухлинскій, въ Драгунскій Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго Полкъ. По Ливійнымъ Баталіонамъ. Ливійныхъ Баталіоновъ: Грузинскаго № 13-го, Штабсъ Капитанъ Петриевъ, въ Кавказскій Ли-

війный Баталіонъ № 13-го. Черноморскаго № 4-го, Штабсъ Капитанъ Маевскій, въ Кавказскій Ливійный Баталіонъ № 11-го.

— Юня 17-го дня. Переводится. По Пѣхотѣ. Пѣхотныхъ Полковъ: Навагинскаго, Прапорщикъ Парчевскій, въ Кавказскій Ливійный Баталіонъ № 13-го. Дагестаоскаго, 6-го Резервнаго Баталіона, Прапорщикъ Витковскій, въ Эриванскій Карабинерный Полкъ.

Высочайшими Именными Указами, данными Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ, Всемилостивѣйше пожалованы: кавалерами Ордена Св. Равноапостольнаго Князя Владимира 4-й степени съ бантомъ. 1850 г. Апрѣля въ 7-й день — въ воздаяніе за отличное мужество и храбрость, оказанныя въ дѣлахъ противъ Горцевъ во время похода, въ прошломъ 1849 году, въ землю Лидойскую — Гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича Полка Маіоръ Янаго; Тифлискаго Егерскаго Полка Капитанъ Даниловъ и 21-й Артиллерійской Бригады Поручикъ Лихотинскій. — *Того же ордена и степени безъ банта*. 1850 года. Апрѣля въ 7-й день — за отличное исполненіе обязанности своей въ продолженіе похода, въ прошломъ 1849 года, въ

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ О КАВКАЗѢ.

Скитаясь по Кавказу, я часто проживалъ по мѣсяцу и болѣе въ Чеченскихъ и Кабардинскихъ аулахъ. — Дикая, не разумная жизнь этихъ народовъ, сначала мало занимала меня; но потомъ, отъ нечего дѣлать, я принялся за наблюденія, стараясь, въ жизни горцевъ подмѣтить черты достойныя вниманія. Гдѣ-жъ эта поэзія народа вѣчно юного? спрашивалъ я себя: князь, кровь, дикая страсти и бурныя наслажденія. — Неужели все это существуетъ только въ лучезарномъ воображеніи поэтовъ, въ минуты творческаго азарта. — Если же все это дѣйствительно существуетъ, то по чему я, находясь такъ давно и въ столь частыхъ сношеніяхъ съ этимъ народомъ, ничего не вижу.

Продолжая старательно мои наблюденія, знакомясь съ жителями различныхъ ауловъ, всматриваясь съ самымъ смѣливымъ рвеніемъ, въ малѣйшія подробности ихъ жизни и взаимныхъ отношеній, я къ стыду моему долженъ сознаться, что ничего не замѣтилъ: ни страсти дикой и вмѣстѣ пѣжной, ни вражды свирѣпой и непримиримой. Ничего, чтобы могло заслужить особенное вниманіе.

Случалось мнѣ бывать на свадьбахъ, но счастливыя женихи, рѣшительно неудовольственыя взглядомъ и, съ самымъ страстнымъ одушевленіемъ спорилъ о величій калыма. Бывали и ссоры, за украденнаго быка или барана; но скандаловъ эти ссоры, не кровью и свирѣпой враждой, а *аракон* и примиреніемъ. — Если мужъ жилъ не ладно съ женой, или жена не любила мужа, то это не нарушало обыкновеннаго порядка ихъ жизни: мужъ очень хладнокровно билъ

жену; жена выла и въ отпѣтку колотила своихъ дѣтенышей, а гдѣ, въ свою очередь, колотили собакъ; собаки же, видя такую явную несправедливость, грызлись между собой. — Я былъ въ отчаяніи, но неусыпно продолжалъ мои наблюденія. — Наконецъ, выбившись изъ силъ, я пришелъ къ такому заключенію: что ежели жизнь этихъ народовъ такъ пошло невозмутима, значитъ, она счастлива, что у нихъ должны быть кроткія и мирныя наслажденія, любимая жена, амурчики дѣти, хотя грязные по все таки амурчики; наконецъ, музыка и поэзія. Но увы! музыка ихъ заключается въ глупой стукотѣ въ тазы и бубны, въ негармоническомъ брѣнданьи, не настраиваемого никогда инструмента, въ родѣ балайки, да въ дикомъ горланномъ пѣніи, которое невозможно слышать безъ особеннаго содроганія. И такъ, музыка нигде негодится. Остается поэзія. Съ упрямствомъ истиннаго изслѣдователя я рѣшилъ, что у нихъ непременно должна быть своя самобытная поэзія, пѣжная, дикая и трогательная; — и удивлялся, какъ мнѣ ранѣе не пришло въ голову разпросить, наиримѣръ: о чемъ поютъ такъ дико и несносно, всѣ эти крикуны. Не скрывается ли подъ этими нескладными звуками, какаянибудь увлекательная повѣсть, древнее преданіе, народная баллада, или хоть описаніе рыцарскихъ подвиговъ, какогонибудь сказочнаго Витязя-Джигита, въ родѣ нашего Бава-Королевича.

Стояли мы лагеремъ подъ крѣпостью *Назранъ*, которая, какъ извѣстно, окружена безчисленнымъ множествомъ ауловъ, разбѣянныхъ по теченію рѣкъ *Сунджи* и *Назранки*. — Каждый день, съ воступленіемъ вечера, въ аулахъ этихъ подымается страшный шумъ: пѣльба, музыка и пляски. Почти въ каждомъ аулѣ празднуется одна, двѣ и болѣе свадьбы. Мы стовора-

лись идти смотрѣть на ближайшую. Было довольно поздно. Свадьба, на которую мы попали, была изъ значительныхъ, что можно было видѣть по количеству гостей и ихъ не совсѣмъ трезвому состоянію. — Пляска дѣлалась быстрой и задорнѣе; самые дряхлые старики, при громкихъ, одобрительныхъ крикахъ и выстрѣлахъ, пускались выплясывать лезгинку, а молодые плясуны, съ завистью смотрѣли на ихъ иступленные жесты. — Но меня не занимали танцы; мнѣ хотѣлось скорѣй слышать пѣніе, тѣмъ болѣе, что съ нами былъ одинъ азіатскій офицеръ, который военничалъ въ Россіи и могъ служить мнѣ переводчикомъ. Желаніе мое скоро исполнилось. Плясуны усажены въ кружокъ, пѣвецъ выступилъ на середину и послѣ какихъ то неопредѣлимыхъ прелудій, — началъ пѣть. — Воображеніе мое было такъ сильно настроено, что дикіе звуки, на этотъ разъ показались мнѣ менѣ отвратительными и я слушалъ не затыкая ушей; честная компанія хранила почтительное молчаніе и при свѣтѣ огромнаго костра, картина эта была дѣйствительно замѣчательна. Я былъ въ восторгѣ, и когда по окончаніи игры, раздавши весь свой табакъ гостеприимнымъ хозяевамъ, мы стравившись домой, то я обратился къ моему переводчику съ просьбою перевести спѣтую балладу. — Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и отвѣчалъ, что перевести ее нѣтъ возможности.

— Почему? спросилъ я.

Да потому, потому что нельзя.

— Ясно. — Да вѣдь это пѣсня?

Да, ежели хотите, пѣсня.

— Слѣдовательно она имѣетъ слова и вы можете объяснить мнѣ ихъ значеніе.

прошломъ 1849 году, въ землю Дидойскую — Дивизионный Докторъ 21-й Пѣхотной Дивизии, Коллежскій Советникъ Журавовскій. — Ордена Св. Анны второй степени. 1850 года Апрельъ въ 6-й день — въ награду за отлично-усердную и ревностную службу — Старшій Лекаръ Левагской Кордонной Линии, Штабъ Лекаръ, Коллежскій Ассессоръ Товянский — Апрельъ въ 7-й день — въ воздаяніе за отличное мужество и храбрость, оказанныя въ дѣлахъ противъ Горцевъ во время похода, въ прошломъ 1849 году въ землю Дидойскую — Помощникъ Командира Грузинской дружины, состоящей по Кавалеріи Майоръ, Князь Джандіеровъ. — Апрельъ въ 8-й день въ награду за отлично-усердную и ревностную службу, начальствомъ засвидѣтельствованную Командиръ Грузинскаго Линейнаго № 13-го Баталіона, Подполковникъ Бучиковъ 2-й; Майоръ; Драгунскаго Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго Полка — Этингеръ и Пѣхотнаго Генераль-Фельдмаршала Князя Варшавскаго Графа Паскевича Эриванскаго Полка Клуевъ. — *Того же ордена третьей степени съ бантомъ.* — 1850 года Апрельъ въ 5-й день — въ награду за отличное мужество и храбрость, оказанныя въ дѣлахъ противъ Горцевъ 9-го Юня 1849 года — Черноморскаго Казачьяго Войска 1-го Флѣскаго Баталіона Войсковой Старшина Голуба. — Апрельъ въ 7-й день — во воздаяніе за отличное мужество и храбрость, оказанныя въ дѣлахъ противъ Горцевъ во время похода, въ прошломъ 1849 году въ землю Дидойскую — Капитаны: Тифлискаго Егерскаго Полка: Князь Андрониковъ и Тумановъ, и Кавказской Гренадерской Артиллерійской Бригады Домантовичъ; Штабъ Капитаны: Мушкетеръ временной милиціи Тушино-Ишаво Хевсурскаго округа, Князь Чавчавадзе и Тифлискаго Егерскаго Полка Магаловъ; Поручики: Сотенный Начальникъ сборной временной Кахетинской милиціи, Князь Караловъ; Анцухоканучинскій Приставъ, Князь Чечвадзе и Тифлискаго Егерскаго Полка: Кобеницъ и Галицъ, и Сотенный Командиръ временной милиціи Тушино-Ишаво-Хевсурскаго округа, Подпоручикъ Элибаридзе. — *Того же ордена и степени безъ банта.* Апрельъ въ 8-й день — въ награду за отлично-усердную и ревностную службу, начальствомъ засвидѣтельствованную — Капитаны Грузинскихъ Линейныхъ Баталіоновъ: № 14-го: Якубовскій и Талаевъ, и № 15-го, Стодиковъ; Титулярные Советники: Чиновникъ для порученій при Тифлисской Коммиссаріатской Комиссіи, Алтеевъ и Ветеринарный Лекаръ Драгунскаго Его Королев-

скаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго Полка Олещевскій. — *Того же ордена четвертой степени съ надписью за храбрость.* 1850 года Апрельъ въ 5-й день — въ награду за отличное мужество и храбрость, оказанныя въ дѣлахъ противъ Горцевъ 9-го Юня 1849 года — Черноморскаго Казачьяго Конно-Артиллерійской Бригады № 12-го баттарен Хорунжій Бялло. Апрельъ въ 7-й день — въ воздаяніе за отличное мужество и храбрость, оказанныя въ дѣлахъ противъ Горцевъ во время похода, въ прошломъ 1849 году, въ землю Дидойскую — Донскаго Казачьяго № 28-го Полка Есаулы: Чикилевъ и Полубыдовъ; Самурскаго Пѣхотнаго Полка Штабъ-Капитанъ Семеновъ; Поручики: Сотенный Командиръ Грузинской дружины Князь Кобуловъ; Гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича Полка Шулинъ, и 21-й Артиллерійской Бригады Холмовъ; Подпоручики: Сотенный Начальникъ сборной временной Кахетинской милиціи, Князь Джорджадзе; Тифлискаго Егерскаго Полка, Ружницкій; Грузинскаго Линейнаго Баталіона № 12-го, Князь Абамеликовъ; Кавказской Гренадерской Артиллерійской Бригады: Кобеницъ и Броневскій, и 20-й Артиллерійской Бригады Рышковъ, и Прапорщики: Сотенный Начальникъ сборной временной Кахетинской милиціи, Вахваховъ, Помощникъ Тушино-Ишаво Хевсурскаго Округнаго Начальника Князь Джорджадзе и Тифлискаго Егерскаго Полка: Волоцкій и Бардюшинъ. — Въ воздаяніе за отличное мужество и храбрость, оказанныя въ дѣлахъ противъ Горцевъ во время похода въ прошломъ 1849 году, въ землю Дидойскую состоящей въ должности Набпа Кавучинскихъ переселенцевъ — *знакамъ сего ордена* — Прапорщикъ Дахто-Гаджи-Мамлади-Швили. — *Золотою саблею съ надписью «за храбрость».* 1850 года Апрельъ въ 7-й день — въ воздаяніе за отличное мужество, оказанное въ дѣлахъ съ Горцами во время похода, въ прошломъ 1849 году, въ землю Дидойскую — Кавказской Гренадерской Артиллерійской Бригады Штабъ-Капитанъ Князь Кроноткинъ. — *Золотою полусаблею съ надписью «за храбрость».* 1850 года Апрельъ въ 5-й день въ воздаяніе за отличное мужество, оказанное въ дѣлахъ съ Горцами во время похода, въ прошломъ 1849 году, въ землю Дидойскую — Дивизионный Квартирмейстеръ 21-й Пѣхотной Дивизии, Генеральнаго Штаба Подполковникъ Маркъ.

УЧЕНІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ засѣданіи Академіи Наукъ, Г. Гамель прочелъ записку, съ цѣлію обратить вниманіе нашей новой Духовной Миссіи въ Китай, на растение, называемое Англичанами *China grass*. Г. Гамель замѣчаетъ, что еще сомнительно, одно ли растение служить въ Китаѣ для выдѣлки различныхъ встрѣчающихся тамъ полотень; известно только, что растение называемое Китайцами *Ma*, есть: *Urtica nivea* и доставляетъ волокны для лучшихъ сортовъ Китайскаго полотна. Г. Гамель показывалъ намъ пряжу изъ этого растенія, привезенную въ Англію, также различныя нитки и ткани, выдѣланныя частью въ Китаѣ, а частью въ Лидсѣ, въ Англіи. Нашъ Этнографическій Музеумъ содержитъ въ себѣ такое множество образчиковъ Китайскихъ полотень и веревокъ, что возможно было доставить нѣкоторыя изъ нихъ начальнику нашей Миссіи, съ цѣлію познать, изъ какихъ растеній они сдѣланы и добыты сѣмена послѣднихъ, чтобы испытать возможность разведенія ихъ въ нашихъ южныхъ губерніяхъ и особливо Закавказьѣ. Впрочемъ, на выставкѣ сельскихъ произведеній края въ Тифлисѣ, 1850 г., были образцы *Urtica nivea*, разведенной Г. Колодзевымъ въ саду Намѣстника Кавказскаго, въ Тифлисѣ.

— Г. Мейеръ напечаталъ шестой выпускъ своего Ботаническаго Сборника, посвященнаго преимущественно Русской флорѣ. Этотъ выпускъ заключаетъ въ себѣ каталогъ растеній, привезенныхъ Докторомъ Коллати изъ внутреннихъ странъ Кавказа, съ Крестовой горы, Казбека и его окрестностей. Въ другихъ двухъ запискахъ, тотъ же Академикъ описалъ нѣсколько новыхъ видовъ, между прочимъ рода *Strepis* изъ семейства *цикорійныхъ*, также съ Кавказа.

— Кавказъ извѣщалъ объ изданіи и переводѣ Г. Броссе исторіи Грузіи — помѣщаемъ теперь нѣкоторыя подробности объ этой книгѣ.

Г. Броссе напечаталъ первый выпускъ Автописи, ошибочно приписываемой Царю Вахтангу. Мы говоримъ *ошибочно*, потому, что Вахтангъ родился въ 4675 году, тогда, какъ именно, напечатанная вышѣ часть Исторіи Грузіи была уже переведена и сокращена на Армянскомъ языкѣ въ 1279 году нашей эры. Г. Броссе видѣлъ въ Эмізіаннѣ списокъ такого перевода съ этимъ голомъ. Грузинскій текстъ сего сочи-

Ковечно могу; но для чего, когда вы сами видѣли все то, про что онъ пѣтъ.

— Видѣлъ? Но какимъ образомъ?

Очень просто. — Дѣло въ томъ, что у этого народа нѣтъ пѣевъ, а кто хочетъ пѣть, поетъ что ему придетъ въ голову и что у него предъ глазами; и потому въ пѣснѣ, которую вы сейчасъ слышали, помѣщены даже и мы съ вами. Вотъ вамъ, ежели хотите, краткій переводъ его пѣсни, сколько я припомню: Славная свадьба, счастья молодымъ; пшени и, Арака крѣпка; я сижу, пою; дрова жарко горять. Слушаютъ меня всѣ. Русскіе пришли, офицеры пришли; слушаютъ, я пою; — трубку офицеръ курить; табакъ хорошій курить; Славная череска, галунъ золотой; княжалъ въ серебрѣ. Солдатъ стоитъ, курить трубку, смотреть на огонь. Спать пора, дрова сгорѣли — красавицы ушли, не хотѣть слушать.

Танковать Левагку устали, и проч.

Не помню больше, разный взоръ.

— Слѣдовательно, это импровизація?

Да. — Слова у нихъ ничего не значатъ, и пѣсни ни когда не имѣютъ смысла. Пѣвецъ поетъ, что видитъ и что вздумаетъ; но главное достоинство пѣнія заключается въ длиннотѣ и пронзительности нотъ. — Вы видѣли, какъ довольно была честная компанія, это любимый пѣвецъ во всѣхъ окрестныхъ ауловъ; пѣсни его постоянно безсмысленны, но за то пронзительнѣе его никто не споетъ.

— Но неужели пѣтъ у нихъ ни одной старинной пѣсни, которая передается изъ рода въ родъ.

Совершенно ни одной.

Я былъ въ отчаяніи. Онъ вретъ, подумалъ я, буду продолжать мои розысканія.

Былъ у меня кунакъ, подъ заглавіемъ Магометка, какъ называли его солдаты. Известно, что кунакъ пренебрежимо создатель. Съ появленіемъ новыхъ войскъ въ Назрань, является, обыкновенно, пѣлое стадо оборванныхъ мальчишекъ, отъ 10 ти и до 25 ти лѣтъ, и предлагаютъ себя въ кунаки первому встрѣчному; отказываясь отъ этой чести, значить за дѣлать презрительныя насмѣшки этой толпѣ оборванцевъ. Всѣ они довольно чисто говорятъ по руски и народецъ продувной. — Магометка при первомъ свиданіи очень любезно подошелъ ко мнѣ, съ парю пѣтуховъ въ рукѣ и объявилъ, что онъ намѣренъ быть моимъ кунакомъ. — Я покорился моей участи, взявъ пѣтуховъ, наполнивъ друга чаемъ, нагружилъ его табакомъ, сахаромъ и другими припасами и дружба наша развивалась. — Съ тѣхъ поръ Магометка ни одного дня не давалъ мнѣ покоя: являясь чуть свѣтъ, и уже безъ пѣтуховъ, онъ по цѣлымъ днямъ просиживалъ у меня въ палаткѣ, увя! не говорилъ ни слова. На распросы мои онъ отвѣчалъ какъ то неохотно, сурово и глупо. Досадно было, что на мою долю достался такой медвѣдь, но перемѣнить кунака нѣтъ возможности; видя непостоянство вашей дружбы, кто захочетъ быть вашимъ кунакомъ; да и раздѣлаться съ кунакомъ значить нажать отчаяннаго врага, въ отставномъ вашемъ пріятелѣ. Нечего дѣлать; надо было довольствоваться тѣмъ что есть. Къ прекраснымъ достоинствамъ суроваго Магометки, надо прибавить

необыкновенную обжорливость, — онъ могъ жевать непрерывно нѣсколько столѣтій, пилъ какъ верблюды, курилъ какъ цѣлая рота солдатъ. Завасы мои исчезали съ удивительною быстротой. Если случалось что меня не было дома, то Магометка, по праву кунака, входилъ съ палатку, забиралъ все съѣстное и съ улыбкою астивного друга говорилъ мнѣ послѣ, что онъ сдѣлалъ это для того, чтобы доказать, что онъ не забылъ кунака и удостоилъ его своимъ посѣщеніемъ; однимъ словомъ, это средство замѣняло у него визитныя карточки. Видя разрушительную смѣтливость моего пріятеля, я долженъ былъ держаться постоянно въ боевмъ порядкѣ и не имѣть при себѣ ничего; это не повредилось Магометкѣ и онъ сталъ рже дѣлать на меня опустошительныя набѣги. Прошла недѣля и онъ не являлся; я начиналъ уже думать, что между нами все кончено; — но увя! жестокой опять явился съ своимъ многозначительной улыбкой, и нѣжно сжалъ мнѣ руку, — на этотъ разъ я былъ почти радъ его посѣщенію. Мнѣ вздумалось заставить его пѣть.

— Кунакъ, ты поешь пѣсни?

Пою, отвѣчалъ онъ сердито.

— Спой что нибудь.

Хорошо, и онъ зятанулъ.

Не знаю, отъ чего не пользуется онъ въ аулахъ славою пѣвца; покрайней мѣрѣ я, въ жизни моей не слышалъ ничего противнѣе его кошачьяго пѣнія. По окончаніи, онъ съ улыбкою торжества посмотрѣлъ на меня, истерзаннаго совершенно. Что же ты такое пѣлъ? спросилъ я.

179

ненія былъ возстановленъ Издателемъ, преимущественно по двумъ древнѣйшимъ изъ извѣстныхъ нынѣ рукописей. Первая была пожалована Академіи Е. о. Величества въ 1818 году, вмѣстѣ съ бібліотекою покойнаго Царевича Теймураза: она послужила первообразомъ, какъ древнѣйшая и болѣе полная въ некоторыхъ частяхъ. Другая находится въ Руманцовскомъ Музеумѣ: она, по видимому, не столь древняя, и хотя въ некоторыхъ мѣстахъ неполна, одна кожь, можетъ быть названа орѣзанною. Для критической части этого труда, посвященной къ Французскому переводу, переводчикъ пользовался, кромѣ другихъ источниковъ, дѣльными неизданными Армянскими авторами, изъ книгъ, съ болѣею частию коихъ, не справлялся ни одинъ изъ европейскихъ ученыхъ, какъ-бы: Варданъ, Циракъсь, Ухтанесь и другіе. Занятый печатаніемъ этого сочиненія и своего путешествія, Г. Броссе долженъ былъ почти-исключительно посвятить себя этимъ трудамъ; впрочемъ, онъ прочелъ намъ заниску о религіозномъ расколѣ, существующемъ между Армянами и Грузинами съ конца VI вѣка, которую онъ составилъ по Армянскимъ писателямъ, и преимущественно по Ухтанесу, не изданному писателю X вѣка. Сверхъ того, онъ представилъ намъ донесеніе о повѣдѣ въ Ани, описанной Г. Ханыковскимъ, которому угодно было предоставить оную въ распоряженіе Г. Броссе, при изданіи его путешествія.

(Ж. М. П.)

АРМАВИРЪ (*).

Это громкое названіе древней столицы Гайкавскаго государства, носитъ въ настоящее время малоизвѣстный аулъ, довольно живописно

(*) Армавиромъ назывался столичный городъ В. Арменіи, построенный Армаисомъ, сыномъ Арменакъ, на берегу рѣки Аракса, въ области Араратской. Этотъ городъ былъ столицею со времени Арманса до Вагаршаки, не енесшаго свою резиденцію въ Моциаль (Мезенинъ). Объ этомъ городѣ подробно говорить Хоренаци въ 4 ой части т. XI г. г. гл. 46.

(բառարան յա ուկ անուանց, որք ք անին յուլ և ալ գիրս արաբքոյ լու ուած աղունչ գրոյց: Երես 219)

Г. Художевъ говоритъ, что онъ основанъ около 2160 года до Р. Х. Амасіею, внукомъ Гайка и былъ столицею Армянскихъ владѣтелей и цррей почти 1800 лѣтъ; нынѣ, на развалинахъ этого города существуетъ небольшая деревня Сюрмели (Энци. лек. т. III стр. 127).

(Пр. Ред.)

— Что я пѣлъ? закричалъ злодѣй и глаза его засверкали,— я вздрогнулъ.

— Хочешь, ежжу. Ну, говорю.— Я пѣлъ, продолжалъ онъ въ одушевленіемъ:

«Что у меня хорошій кунакъ, добрый кунакъ, все мнѣ дастъ; лежи ты на коврѣ, чай пьешь, а я смотрю на кинжалъ въ серебрѣ, хорошій кинжалъ, чиста Баазай!—кунакъ мнѣ его подарилъ. Правда?... закучилъ алчный пѣвецъ, обращаясь ко мнѣ, и трепещущими руками долженъ былъ я отвязать кинжалъ отъ древка палатки и отдать крововійцѣ. Съ тѣхъ поръ, казалось, Магометка опять полюбила меня, а прощая великодушно недостатокъ въ сѣбѣсныхъ припасахъ, стала являться каждый день, пѣлъ безъ приглашенія, переводилъ и, забирала воспѣтыя вещи, возвращалась наки въ домъ свой.

Страдая разстройствомъ нервовъ, и предвѣдя свое конечное разореніе, я не выдержалъ, и объявилъ алчному пріятелю, что ежели онъ хочетъ сохранить мою дружбу и уваженіе, то долженъ перестать пѣть, и никогда ничего не просить, потому, что мнѣ уже нечего ему давать. Кунакъ выслушавъ мою тираду съ суровымъ видомъ, плюнулъ въ онустшенную имъ же палатку, — и ушелъ. Съ тѣхъ поръ я его не видѣлъ, — и далъ себѣ слово не имѣть болѣе кунаковъ и прекратить напрасныя попытки изучать народную поэзію Чеченцевъ.

М. Ливенцовъ.

— Въ то самое время, когда Сѣверъ радъ своему жаркому лѣту, Югъ, по крайней мѣрѣ наше Закавказье, не можетъ нахвалиться прохладою, постоянными дож-

раскинутый на лѣвомъ берегу рѣки Кубани, въ двухъ съ половиною верстахъ отъ Прочно-Оконскаго укрѣпленія. Отъ населенъ Армянами, вышедшими въ концѣ 1838 года съ горъ Бесленевскихъ, Темюрговскихъ, Абадзехскихъ и изъ деревень Егеръ-Ухой, Гауръ-Габль и Алыхой. Какимъ же образомъ Армяне эти, совершенно не похожіе по языку, правамъ и обычаямъ, на своихъ единоплеменниковъ, попали въ горы, и что именно заставило ихъ выселиться оттуда на берега Кубани,—я постараюсь сказать здѣсь объ этомъ нѣсколько словъ.

По разсказамъ Армавирскихъ стариковъ, назидать тому лѣтъ двѣсти или болѣе, старѣе ихъ, недовольные сунтами, происходившими въ Крыму во время владычества хановъ, обремененные налогами и прегерѣвая сильныя гоненія за вѣру, давно задумывали куда либо удалиться отъ этихъ неприяностей; наконецъ, при одномъ ханѣ (1), который два раза былъ свергнутъ съ престола, они пришли рѣшительное намѣреніе и, бросивъ свои жилища и имущество, бѣжали въ Черкесію, знакомую имъ еще прежде, по торговымъ сношеніямъ.

По прибытіи въ горы, Черкесы приняли ихъ ласково и дали у себя убѣжище, обѣщая защищать отъ всѣхъ стѣсненій ханскихъ, и въ знакъ дружбы, молодымъ ихъ пришельцамъ предложили въ супружество своихъ дочерей. Армяне приняли это предложеніе, но съ условіемъ, чтобы жены и дѣти ихъ исповѣдывали христіанскую религію. Черкесы, не имѣвшіе тогда точнаго понятія о своемъ вѣроисповѣданіи, представившемъ смѣсь обрядовъ христіанскихъ, мухаммеданскихъ и языческихъ, насколько въ томъ не противились своимъ гостямъ, и увѣрили даже ихъ, что они останутся на всегда свободными въ исповѣданіи христіанства и будутъ дѣла семейныя и гражданскія рѣшать по своимъ обычаямъ. Убѣжденные въ этомъ, Крымскіе выходцы разсѣлись по ауламъ, желились на горскихъ красавицахъ (2) и жили спокойно до появленія у Черкесовъ проповѣдниковъ, посланныхъ Оттоманскою Портою, во второй половинѣ XVIII столѣтія, для обращенія горскихъ обитателей въ мухаммедан-

(1) Въ бытность мою въ 1848 году въ аулѣ, я старался узнать объ имени хана, но никто не могъ мнѣ назвать его; если же вѣрять разсказамъ, то легко угадать, что переселеніе ихъ изъ Крыма въ Черкесію случилось при Мухаммедъ-Гирѣ, который дѣйствительно былъ два раза свергнутъ съ престола въ 1644 и 1666 годахъ и произошло тому до настоящаго времени около 200 лѣтъ.

(2) Отъ этихъ то Черкешенокъ и Армянъ происходятъ нынѣшніе обитатели Армавира.

ламъ и пасурнымъ небомъ. Выше 22° термометръ въ Тифлисѣ еще не подымался,—отсюда слышны похвалы такому обворожительному лѣту; не знаемъ, на долго ли? и, не вознаградитъ ли себя солнце вносѣдствіи, освободясь отъ докучныхъ облаковъ, постоянно мѣшающихъ ему принадлеать котловину Тифлиса. Вѣста объ урожаехъ хлѣбовъ и травъ, получаютъ отовсюду самыя благоприятныя. За то наши фрукты и ягоды, и безъ того не очень вкусныя, воизвисты до нельзя; но, можно пожертвовать ими для дешевой и превосходной пивеняны, общаемой полями, какъ на счастье, вполнѣ засѣянными отъ черты города, на безконечныя пространства. Но настоящее число (9 Юни), въ Тифлисѣ никто еще и не думалъ перебираться на дачу въ Колжоры, или другое мѣсто, за изключеніемъ тѣхъ, кого надобность заставила проститься съ городомъ, или краемъ.

Тифлисъ, по обыкновенію городовъ возникающихъ, усердно моститъ теперь камни на камни, бревна на бревна, рездѣ стукъ топоровъ, визгъ пилъ и крики работниковъ. Дома растутъ какъ шампіоны и, едва нижній этажъ успеетъ подняться подъ потолокъ, какъ уже духаны занимаютъ готовое помѣщеніе—такой законъ въ Тифлисѣ. Зданіе театра гражданина Тамашева тоже быстро отдѣлывается и наполняется магазинами. Съ этимъ колоссальнымъ сооруженіемъ, которое могло бы украсить любую столицу европейскихъ государствъ, мы познакомимъ читателей Кавказа въ свое время, когда оно будетъ совершенно окончено, или, по крайней мѣрѣ, когда открытъ будетъ театръ, въ Августѣ мѣсяцѣ, какъ настъ увѣрляи. Это будетъ при-

ство и для возмущенія ихъ противъ России, начинавшей тогда утверждать свою власть на Кавказѣ. Когда Черкесы изъявили искреннее расположеніе къ принатію мухаммеданства, Армяне, почти сроднившіеся съ ними, но пламенно любившіе вѣру отцовъ своихъ, начинали заботиться о сохраненіи ея; но къ тому предстояло имъ преодолѣть много препятствій, потому, что живя разсѣяно по ауламъ, имъ не возможно было прогавиться проповѣдникамъ, успѣвшимъ въ самое короткое время увезти за собою Черкесовъ. Бѣднымъ Крымскимъ выходцамъ приходилось бы, за вѣру, бѣжать изъ Черкесіи, если бы, какъ они говорятъ, мудрый Бесленевскій Князь Атажукъ-Эйтекъ, не внушилъ имъ благой мысли, поселиться всѣмъ въ одномъ мѣстѣ, для чего назначилъ даже въ своихъ владѣніяхъ участки земли по берегамъ рѣки Шагъ-Ваше. Покровительствуемые Эйтекомъ, Армяне, прекративъ съ горцами родственныя связи, начали селиться (впрочемъ не всѣ) на указанныхъ мѣстахъ, и вскорѣ въ Черкесіи явилось двѣ довольно значительныя армянскія деревни: Алыхой и Гауръ-Габль, извѣстныя и по своей торговлѣ. По распространеніи мухаммеданства, Армяне лишились уваженія, оказываемаго имъ Горцами, и по просякамъ имамовъ и каліевъ были даже тайно гонимы, какъ это замѣчаютъ они изъ слѣдующаго: прежде къ нимъ изъ Крыма или Трапизонта каждый годъ свободно прѣзжалъ монахъ, который устраивалъ временно церковь, исполнялъ требуемые религіею обряды, крестилъ новорожденныхъ и т. п.; а тогда монахи появлялись у нихъ гораздо рѣже, потому, что часто были убиваемы проповѣдниками Ислама. Послѣ же Шахъ-Мансура, котораго Армавирцы хорошо еще помнятъ, монахи посѣщали ихъ украдкою, лѣтъ черезъ пять, а въ послѣнее время, предъ переселеніемъ на берега Кубани, нѣкоторые изъ нихъ не вняли у себя наставника вѣры болѣе двадцати лѣтъ. Это обстоятельство сильно огорчало Армянъ и было главною причиною, заставившею ихъ, въ концѣ 1838 года, обратиться съ просьбою къ Начальнику Праваго фланга, Генераль-Лейтенанту Зассу, чтобы принять ихъ подъ покровительство Россіи и дать имъ средства поселиться вблизи Русскихъ. Когда Генераль-Лейтенантъ Зассъ исходатайствовалъ имъ разрѣшеніе на поселеніе близъ Прочно-Оконскаго укрѣпленія, слухъ объ этомъ быстро распространился въ горахъ, и Армяне толпами стремились къ мѣсту новаго своего жилища. Сначала прибыло сто двадцать семействъ изъ Алыхой и Гауръ-Габля, потомъ число выходцевъ безпрестанно возросло, такъ,

мѣчательная эпоха въ событіяхъ Тифлиса. Теперь мы только замѣтимъ, что противъ всеобщаго ожиданія, лавки въ зданіи театра, въ особенности въ среднемъ этажѣ, почти всѣ уже заняты лучшими магазинами Тифлиса. Армянскій базаръ пустѣетъ, а пѣлый торговый городъ сосредоточивается въ стѣнахъ театра, представляя то важное удобство, что въ центрѣ города, на Эриванской площади, покупатель можетъ найти все что угодно, прогуливаясь по гладкимъ, чудеснымъ и прохладнымъ аркадамъ нашего *палерола*, какъ его многіе называютъ. На дняхъ, граждане Свѣчниковы тоже перенесли сюда свой огромный магазинъ желѣзныхъ, стальныхъ и мѣдныхъ вещей. Этотъ лучший въ Тифлисѣ магазинъ, въ своемъ родѣ, по качеству товаровъ, сходнѣйшихъ по цѣнѣ и отличительный по услужливости хозяевъ, къ общему удовольствію всѣхъ строющихся,—находится теперь у нихъ подъ рукою; теперь, нужду имѣющимъ купить пару гвздей или ножъ, не нужно уже бѣдить почти къ самому Авлабару, какъ прежде; въ магазинѣ Гг. Свѣчниковыхъ, въ зданіи театра, можете все достать, что угодно, металлическое, самое добротнѣйшее и по умѣреннымъ цѣнамъ.

—Тифлисъ, благодаря неуспынной заботливости Князя Намбетвика объ его устройствѣ, нынѣшнимъ лѣтомъ пріобрѣтетъ еще новое и весьма важное удобство. Весь Головинскій проспектъ и Эриванская улица уже вымачиваются камнемъ и снабжаются водосточными трубами.

